

Чудо

В мире литературы, музыки, театра именуются имена, мало что говорящие широкой публике, но высоко ценимые коллегами-профессионалами. Есть такие имена и в шахматах. Одно из них — Ратмир Холмов.

За свою долгую карьеру он выиграл немало турниров, а количеству призовых мест, занятых им в соревнованиях самого различного уровня, несть числа. Он побеждал вместе со Спасским и Штейном в чемпионате Советского Союза. У него равный счет с Анатолием Карповым и он выигрывал у Роберта Фишера. В 60—70-х годах он сражался со всеми сильнейшими шахматистами мира, и никто из них не решился бы заявить, что выиграет у него «по заказу». Он имел репутацию одного из самых лучших защитников, но одной защитой, пусть и высочайшего класса, много очков не соберешь. Холмов являлся и мастером атаки, в которой главная роль отводится импровизации и фантазии.

В сокровищнице шахматного искусства немало блистательных партий, и здесь, как в любом искусстве, нет объективного критерия: одному нравятся комбинации Андерсена, другому — ювелирные кружева Капабланки, третьему — феерические атаки Таля. Но очень часто в списке самых красивых шедевров, созданных на протяжении долгой истории шахмат, можно встретить две замечательные партии «защитника» Холмова: против Кереса (1959) и Бронштейна (1964).

«Это выдающийся природный талант, такой дается свыше, — говорит Виктор Корчной. - Самобытность его таланта видна невооруженным взглядом. Таким был талант Капабланки... Холмов знал о шахматах нечто, совершенно не занимаясь ими. К такого рода игрокам можно отнести, например, перуанского крестьянина Гранда Сунигу или болгарина Кирила Георгиева. В свое время были такие шахматисты и в Югославии, почти ничего не знавшие, шахматами практически не занимавшиеся, но игравшие, и как игравшие! В том же ряду стоит и архангельский мужик — Ратмир Холмов. Я сыграл с ним около полутора десятков партий. Большинство закончились вничью, какие-то я выиграл, но больше проиграл. Сейчас ему уже почти восемьдесят, но он до сих пор играет с молодыми людьми, и неплохо играет, а ведь теории как не знал, так и не знает. И это в наше-то время!»

Ему всё еще хватает терпения для защиты пассивных, бесперспективных позиций, которых большинство мастеров боятся, как огня. Стремясь получить хоть какие-то контршансы, они предпочитают поскорее вызвать кризис, рвануться, не останавливаясь порой и перед жертвой материала. Другое дело Холмов: он — мастер пассивной защиты, которую может кропотливо вести на протяжении десятков ходов, дожидаясь своего часа. Как развился такой необычный стиль, откуда такое удивительное упорство?

В 1943 военном году подручному клепальщика Ратмиру Холмову было восемнадцать лет. Когда в конце тяжелого, десятичасового рабочего дня, будучи уже не в силах выдержать жару от расплавленного сурика, заливающего его лицо, и безостановочные удары тяжелого молота, отдающиеся через металлическую заклепку во всё тело, он заплакал, взрослый рабочий пристыдил его: «Крепись, Ратмир, на фронте-то — тяжелей!» Это «крепись» он запомнил навсегда, и это слово является ключевым для понимания шахматного стиля Холмова, да и всей его жизни вообще.

Хотя он выигрывал турниры внутри Советского Союза и побеждал самых сильных шахматистов планеты, ему никогда не позволяли играть в капиталистических странах и

большая часть мира была просто закрыта для него. «В мире меня не знают», — с горечью говорил на закате своей карьеры легендарный футболист Эдуард Стрельцов. Те же слова мог бы повторить и Ратмир Холмов.

...В нем заметно еще что-то от того Холмова 50—60-х годов, каким я его помню: крепко сложенного, с крутым высоким лбом, с налитыми желваками на широком лице, бицепсами, заметными под старомодным пиджачком. Разве что в чуть выющихся, без пробора, зачесанных назад волосах видна седина. Через несколько месяцев ему исполняется семьдесят девять... Пару лет назад он перенес тяжелейший инсульт, но оправился и играет сейчас в «Аэрофлот-опене». Соперники по турниру годятся ему по возрасту во внуки, а кое-кто и в правнуки. Нет никакого сомнения, что большинство из них никогда не слышали его имени. Его сегодняшняя партия закончилась быстрой ничьей, и у нас есть время для разговора.

—Я родился 13 мая 1925 года в городе Шенкурске. Это на севере России, в Архангельской области. Отец мой работал в НКВД, на Соловках, в знаменитом лагере. Я там и детство провел. Отец был начальником оперчасти, странно, что в книгах о Соловках ни разу его фамилию не встретил. Да и мать тоже там работала, были они оба, конечно, члены партии. Пил отец сильно. В 1929 году его арестовали за связь с какой-то зечкой, послали на строительство Беломоро-Балтийского канала, мы же с мамой вернулись в Архангельск. Я был в семье единственный ребенок, но когда мы приехали домой, обнаружил, что у меня есть брат. Старше меня на пять лет. Оказывается, он родился у матери еще до отца, и она оставила его где-то на селе, отец даже и не знал ничего. Потом, когда отец вернулся, это ему, конечно, мало понравилось. Брат мой с малых лет в лагерях сидел, и на Печоре был, и всюду; потом поговаривали, что во время войны он у немцев полицаем был, кто-то утверждает, что он после войны в Германию ушел, но я ничего о судьбе его не знаю. Вот у нас говорят: родина-мать, родина-мать, да что эта родина для него сделала? Не матерью была, а злой мачехой.

Мать моя работала тогда в колонии для малолетних правонарушителей. Мы и жили в той же колонии, что и ребята-уголовники. Отвели нам какую-то келью в бывшем монастыре, старуху в прислуги дали, кривая бабка такая была, лицо ее до сих пор хорошо вижу.

Варили ребята кашу в общем котле, и мне иногда перепало. Голодные годы ведь были. Слышу, как сейчас, кричат они: «Эй, братва, кашу хотите?» — это нам, значит, с братом. Ребята те были бедовые, я с ними постоянно общался и всех их хорошо помню. Однажды с Аркашкой Суворовым, тот главой банды был, забор какой-то зимой на дрова растаскивал — холода страшные тогда стояли, печку же надо было чем-то топить... Расстреляли его в 34-м году. Да я и сам шпанёнком был. Часто слышал, о чем они говорили: ну, ограбить кого, ларек взять или еще что. Они же свободно в город выходили. Как-то один говорит: «А сторож?» А другой: «Сторожаубрать надо». Тот отвечает: «Что? Мокруха? Нет, я на мокрое дело не пойду». Тогда ведь за убийство расстрел полагался. Это был сдерживающий фактор. Сейчас ведь что делается: по всей Европе смертную казнь за убийство отменили — это же абсурд. Я этого не понимаю. Смертную казнь за такие преступления надо обязательно ввести. У нас в России, если бы ты знал, какой разгул преступности сейчас.

Из школы я ушел с восьмого класса и ни воспитания, ни образования хорошего не получил. Я, когда школу бросил, матери сказал: «Не хочу больше учиться, пойду учеником электромонтера». Она в ответ: «Иди работай, у нас в стране любая профессия почетна». Она ведь свято верила в коммунистические идеи.

В шахматы я научился играть случайно. Мне было двенадцать лет, плыл я с ребятами на пароходе в пионерский лагерь, и кто-то сказал: «Хотите, ребята, нотацию изучить?» Мы: «Какую нотацию?» А он: «Да шахматную». Так я в шахматы научился играть. Сначала с соседом сражался, тот мне слона и коня давал фору и легко выигрывал. Потом пошел в Дом пионеров. Через три года я стал чемпионом города среди взрослых.

В шахматы я играл тогда всё свободное время, да еще с дружками встречался. Дружки мои тоже в шахматы играли, в блиц главным образом. Да нет, какие там часы? По команде ходы делали: один, два, три, четыре, пять — ход! Поехали! Они и пиво с собой приносили, густое такое, бархатное. Ведрами. И черпали кружкой прямо из ведра и пили. И я пил, тогда же и курить начал.

Потом отец вернулся, ведь бывших партийцев там за своих считали, зачеты — день за три и всё такое. В Архангельске его назначили директором лесобиржи. В 37-м году родители развелись. В 38-м его снова арестовали, и больше о нем не было ни слуху ни духу...

Началась война, весной 1942 года определился учеником машиниста на рыболовецкий тральщик. К концу плавания меня от рыбы просто воротило! Как вспомню эту «крошанку» — свежевытопленный тресковый жир с накрошенным туда хлебом... А осенью того же года оказался в заключении. После болезни не захотел возвращаться на судоверфь, и особая тройка присудила к четырем месяцам лагерей. Там нам на первых порах давали по 300 граммов хлеба в день. Но комиссовали меня, вернулся в Архангельск, мать глазам своим не могла поверить, когда меня увидела. Когда я в лагере сидел, она всякий контакт со мной прервала — сама ведь в органах работала...

Потом пошел на курсы машинистов, кончил их; пока суд да дело, определили меня в подручные клепальщика. Потом нас перебросили на Дальний Восток, так я очутился во Владивостоке. Там попал на танкер «Советская гавань», идущий в Америку. Прибыли мы в Орегон, в Портленд, жили там с месяц, потом проехали на поезде всю страну и оказались в Сан-Диего. И показалась мне тогда, в 43-м году, Америка настоящим раем. Я настолько под впечатлением Америки был, что шахматы из моей головы просто вылетели. И только потом я стал думать: почему они живут несравнимо лучше нашего?..

Потом в Россию возвратились, но по пути из Петропавловска во Владивосток в страшный шторм попали, налетели на японскую мину, выбросило нас на японский берег, интернировали нас. Сбежались тогда японцы на нас смотреть, и женщины, и дети. Жили мы месяца полтора на полузатонувшем корабле, совсем недалеко от советского берега, жратвы было вдоволь. Потом за нами пришел танкер «Туапсе», вот на нем жизнь была сказочная: открываешь кран, а из него прямо чистый спирт льется...

В конце 44-го года лишили меня «мореходки» — документа, позволявшего моряку идти в заграничное плавание. Но я еще рад был, что легко отделался, ведь ребят всех после немецкого плена отправляли прямиком в наши лагеря, я таких очень много потом встречал.

Потом определили меня на пароход «Архангельск». Работал я кочегаром, там в котельной пар стоял, как в аду. Потом и трубочистом был, и кем только не работал...

После войны вернулся в Архангельск, стал шахматным инструктором; снова выиграл чемпионат города, поехал в Тулу на всесоюзный турнир первой категории. Там встретился впервые с Люблинским, Кламаном, <Рурманом... Занял я в том турнире пятое место.

Потом перевели мою мать в Белоруссию, в Гродно, на партийную работу, была она там заведующей отделом по пропаганде и агитации, немалая должность тогда. Но жили мы в какой-то ужасной мансарде, все удивлялись даже: большой человек, а в такой трущобе

живет. Но мать была идеалистка, коммунистка, настоящая фанатичка была...

Стал я работать в Гродно спортивным инструктором. В 1947-м выиграл всесоюзный турнир кандидатов, стал мастером. В том же году вышел в финал 16-го чемпионата страны, потом играл в Москве в Чигоринском мемориале. Там я в первый раз с Ботвинником играл, и было чувство: играю с богом. Я помню, тогда весь напрягся во время партии, даже в стул вжался, но не помогло, проиграл, конечно, — классы у нас тогда разные были, да и теории я ведь совершенно не знал.

В следующем году назначили мне стипендию — 1200 рублей, хорошие деньги по тем временам. Так я стал шахматным профессионалом. Мне было тогда 23 года.

Как к партиям готовился? А никак. Вот был у вас в Ленинграде такой Август Лившиц, преферансист известный, так он мне советовал: «Ты перед партией брось монетку: орел выпадет — 1.e4 пойдешь, решка — 1.A4». Я так и делал. Мог и 1.c4 начать, мог и 1. Kf3. За модой я никогда не следил, фианкеттированным черным слоном, что Гуфельд пропагандировал, не увлекался; на 1.e4 отвечал 1...e5, либо французскую играл с Каро-Канном. Вот все говорят: защитник, врожденный защитник... Будешь защитником, если теории не знаешь и получаешь регулярно плохие позиции после дебюта; так и копошишься — черными почти всегда — в собственных окопах.

Шахматами я ведь совсем не занимался, разве на сборах что-то смотрел с Микенасом, с Вистанецкисом, я в Литве тогда жил. Помню, Микенас сказал мне: «Это же в журнале «Шахматы в СССР» написано, там статья была по этому варианту». Так я начал журнал этот выписывать — с 59-го года, точно помню, я уже почти гроссмейстером был.

Что делал тогда целыми днями? Ничего не делал, в турнирах играл да книги читал. Какие? Да всё, что под руку попадет. Фейхтвангера любил, Драйзера, О.Генри, классиков, из русских писателей особенно Лескова высоко ценил.

В 49-м снова играл в первенстве страны. Турнир был очень сильный: Смыслов, Бронштейн, Керес, Лилиенталь, Флор, Болеславский, всех и не вспомню. Играли и молодые: Петросян, Геллер, Тайманов. Перед последним туром было у меня пятьдесят процентов очков, и должен был я играть черными с Геллером. А тот, на удивление всем, лидировал, опережая Смыслова и Бронштейна на пол-очка, и в случае победы занимал чистое первое место. И вот приходит ко мне перед партией Микенас, мы дружили с ним тогда, и говорит, что Бронштейн предлагает какую-то сумму, не помню уж сейчас какую, если я Геллеру не проиграю. Думаю, он сумму меньшую назвал, чем Бронштейн сулил, Микки ведь хитрый был жук (смеется). Но я тогда не только Геллеру не проиграл, но даже и выиграл! История эта к сплаву, конечно, никакого отношения не имеет, это сейчас партии сплавляют в таком количестве, что уму непостижимо, какой-то поточный механизм пошел.

В 60-м году, когда меня к гроссмейстеру представляли, выступил против этого сам Ботвинник. «Давайте, — сказал Михаил Моисеевич, — подождем немного, пусть Холмов год-два поиграет, докажет свой класс». А я ведь к тому времени призовые места в первенствах страны брал и международные турниры не раз выигрывал. Вот как тогда гроссмейстерское звание-то присваивали! А сейчас посмотри, что делается: это же круглый идиотизм — погоня за гроссмейстерскими званиями. Чушь какая-то. Вот я недавно прочел: Россия получила двадцать два гроссмейстера за один год. Кандидат в мастера за год становится гроссмейстером. И они радуются этому. Здесь плакать надо, а не радоваться.

В 1951 году готовился Бронштейн к матчу с Ботвинником и пригласил меня сыграть тренировочный матч. Играли мы четыре партии, три закончились вничью, а одну я выиграл.

Помню дебют этой партии: староиндийская защита, Бронштейн играл черными систему с &#6, я ответил й5ина£e7—Qe1, тогда часто так играли. Где сейчас бланки этих партий? А бог его знает, у меня не сохранились, может, где-нибудь у Бронштейна в архиве.

Себя я недооценивал тогда, полагал, что все остальные шахматисты потенциально сильнее. Так и получилось, что Бронштейн в 51-м году матч на мировое первенство играл, а меня в том же году дисквалифицировали. За что? Дело было на полуфинале первенства страны. Сидим мы, значит, Тарасов, Нежметдинов и я, выпиваем, тут две девки пришли. Ну и получается, что Рашид вроде как лишний, он старше нас с Тарасовым лет на пятнадцать был. Ты магнитофон сейчас выключи, выключи, представляешь, если моей жене на глаза это попадется...

Ну, в общем, разгорячился Рашид (пьяный был, конечно), вышел на балкон, стал посуду вниз кидать, вазы, тарелки. У Нежметдинова, когда он выпивал, психозы всякие бывали, то под трамвай ложится, то еще что выкинет. Может, тогда ничего бы и не было, замяли бы шум с этими самыми тарелками, но делом заинтересовался Котов. Начал он собирать справки, что да как, дебош, милиция, а турнир-то ведь важный был — отборочный к зональному первенству страны. Короче, вызывают нас всех троих в Москву, к Родионову, был такой председатель Спорткомитета. Рашид ему прямо в ножки повалился, и его как члена партии решили помиловать, а нас с Тарасовым на год дисквалифицировали. А с меня еще стипендию сняли, я ведь как член сборной команды страны стипендию получал.

Никогда до перестройки я не выезжал в капиталистические страны. Никогда. Кому я за свою жизнь только заявления не писал, всем писал, и в ЦК даже. Сталину разве что не писал... И никогда ответа никакого не получил. В Югославию посылали, на Кубу тоже, но Куба тогда ведь нашей была. Оформлялся я в капстраны множество раз, но в последний момент отказывали. Поэтому-то имя мое на Западе неизвестно совсем, я ведь там ни разу не играл. В Москве, в Комитете, такая Стриганова была, так она всегда говорила: «Вам, к сожалению, паспорта не выдали...» И иди жалуйся кому хочешь. Как и почему попал я в эту западню, до сих пор не знаю. Правда, я у японцев в 43-м больше месяца сидел, но войны с Японией тогда еще не было. Может, поэтому не выпускали? Может, думали: завербовали меня японцы тогда? Не знаю. В первый раз выехал в 89-м году, был в Германии опен какой-то, иди, сказали мне, оформляйся... Однажды, думаю, год был 77-й, иду в Комитет, и та же Стриганова мне говорит: «А вам, Ратмир Дмитриевич, снова отказано. Знаете, сходили бы к кагэбешнику, может, он вам объяснит». Пошел я к кагэбешнику. Прихожу, спрашиваю: «Почему мне паспорт не дают?» А тот: «Пишите заявление, да не забудьте в нем все ошибки указать, вами совершенные, покайтесь... Тогда, может быть, и получите разрешение, будете кататься по всему миру...» А что он имел в виду? Какие ошибки?

Да, согласен. Наверное, партия с Кересом 59-го года — одна из лучших моих. Ну, и с Бронштейном комбинация из первенства Союза в 64-м красивой получилась. Но, знаешь, стал я недавно проверять эту комбинацию еще раз и обнаружил, что мог Бронштейн опровергнуть замысел, оставался в одном варианте с двумя лишними пешками, но всё предусмотреть было нелегко, да и вариант этот трудный... А с Хересом? У меня после партии спрашивали: не заготовка ли это всё домашняя? Заготовка! Да я же над 12. Ксб пятьдесят минут думал, с этого момента надо было все варианты тщательно просчитать — коню ведь хода обратно нет... Вот тебе и заготовка!

Да, можно сказать, что начиная с Ботвинника со всеми чемпионами мира играл. Кто самое большое впечатление произвел? Ну, Ботвинник глыба был, конечно, гигант. Петросян?

Слов нет, замечательный был игрок Тигран, но было в нем что-то жментовское. Что это значит? А скуповато играл, на ограничение, зажимался за доской, нет, не по мне это. Каспаров — выдающийся чемпион, конечно, один из самых выдающихся в истории шахмат. Ну и Карпов, конечно, выдающийся, хотя я лично Каспарова выше ставлю...

Как у Фишера выиграл? Было это в 65-м году на Кубе, тогда Фишер по телефону играл, ходы его из Нью-Йорка передавали. Играл я ту партию с большим напряжением, понимал, что ежели проиграю, на меня всех собак повесят, всё припомнят, и вечер перед той партией — особенно. Отчего? Буфет в гостинице там всю ночь работал, и поднабрался я баккарди как следует, ведь ром этот на Кубе замечательный... Уже совсем поздно было, когда разыскал меня Смыслов. «Пойдем, — говорит, — Ратмир, я тебе вариант покажу, тебе же завтра с Фишером играть. Поднялись мы со Смысловым к нему в номер, и показал он мне в чигоринском варианте испанской новую идею, где ♁d4 все время в воздухе висит, но я в таком разобранном состоянии был, что Василий Васильевич был уверен, что я ничего не запомню...

Сажусь играть на следующий день и думаю: что же ты наделал вчера, с тебя же семь шкур спустят за такое поведение, да еще перед партией с Фишером самим. Вот, скажут, сукин сын, напился как сапожник. Сижу, сжавши челюсти и кулаки сжавши, со стула не встану. Так, можешь себе представить, весь вариант, который ночью смотрели, и случился! После партии Фишер поздравил меня, но партию не обсуждали. В том турнире в Гаване из двадцати двух участников много сильных гроссмейстеров было, так я там ни одной партии не проиграл и только на пол-очка от первого места отстал.

Кроме Бронштейна да однажды Миши Таля, меня никто в спарринги не приглашал и тренеры не звал. Да и какой с меня толк — я ж теории никогда не знал. Меня даже Карпов, когда к Корчному готовился, не пригласил, хотя он тогда всех гроссмейстеров использовал. Но, может, и к лучшему это было. Вот, помню, жили мы с Суэтиным в одной комнате на сборах, так Лёха всякий раз кряхтел и жаловался: «Снова в Москву надо ехать, варианты показывать». Итак два раза в неделю. Я ему: «Да ты откажись», а он: «Тебе легко говорить, попробуй откажись...» Так что иногда и хорошо оказывалось, что я теории не знал.

Вот ты говоришь, что Кориной меня с Капабланкой сравнил. Это он, конечно, через край хватил. Помню, как в Ленинграде в 67-м году игрался международный турнир, сильный довольно-таки. И вот там Сабо проиграл мне отложенную позицию, где у него лишнее качество было, так тот же Корчной по сцене бегал и кричал: «Вот везунчик Холмов, везунчик, каких свет не видывал!» Корчной тот турнир выиграл, я же вторым был.

На будущее шахмат я смотрю пессимистично. Шахматы постепенно гибнут, интереса к ним нет почти никакого, и компьютер и электроника несут шахматам погибель. Останутся шахматы, наверное, только как любительская, пляжная игра, а ведь когда я Кересу коня пожертвовал, в зале аплодисменты были, да какое там аплодисменты — овация!.. Теперь я что-то не слышал, чтобы такое бывало.

Шахматы стали бизнесом. Вот помню, лет сорок назад приехал в Югославию какой-то шахматист из Индонезии, очень хотел гроссмейстером стать, так его побили там, как следует, и сказали: в следующий раз больше долларов привози. А теперь что: за год, имея толстый кошелек, можно гроссмейстерским званием обзавестись.. Вот есть у нас, например, Пушков такой. Я сам был на турнире в Азове, когда его гроссмейстером делали. И очень просто делали, да... А вот однажды мне говорят: «Сыграешь в турнире с гроссмейстерской нормой? Гонорар — триста долларов». Я: «Отчего ж не сыграть?» —

«Отлично, — говорят, — тебе и играть даже не надо». Я: «Как так?» — «А так: таблицу сделаем, ты свой гонорар получишь, и все дела...» — «Нет, — отвечаю, — это не для меня, не по мне темные дела эти». Они думают, что если я выпить люблю, так я на всё пойду...

Что значит выпить люблю? Я ведь в свое время поддавал, и сильно поддавал, но неумно. Вот Нежметдинов, тот по части поддачи был почище меня, но Рашид умнее поддавал. Знаешь, какой стишок Коля Новотельное про него сочинил тогда? «Среди холмов и черепков я водку пить всегда готов!» (смеется). Но кроме нас с Нежметдиновым и Черепковым были ребята и почище. Вот в Тарту на полуфинале страны в 51-м году был такой Эбралидзе, большой мастер по этой части, но он горячий грузин был, выпьет — и всегда в бутылку лезет... Были бы спортивные успехи выше, если бы не поддача? Думаю, что да, потому что после этого всегда наступает какой-то моральный надлом, где-то внутри сознаешь: что-то не то делаешь. Да нет, дело не в том, что на следующий день голова болит, просто стыдно было перед самим собой, и я клял себя и партию уже неуверенно играл, потому что всем существом своим чувствовал: отхожу от принципов морали.

Несколько лет назад у меня гематома случилась. Это сгусток крови такой, он приходит в движение, и дело чаще всего смертью кончается. В больницу привезли меня уже без сознания. Вот видишь, у меня на черепе еще следы той операции остались, вырезали эту самую гематому; операция была сложнейшая, мне потом сказали, после таких выживает один человек из ста.

Диалоги с шахматным Нострадамусом

Когда со мной это случилось, привела жена домой попа, заплатила деньги, он отходную надо мной прочел — я ведь без сознания был, умирал уже; соборовал поп меня, святой водой окропил, всё как полагается. Я же некрещеный был, отец с матерью ведь у меня коммунисты были, да еще какие. Верующий ли сейчас? Да нет, не был никогда и сейчас не верю. Считаю, что это всё — типичная пирамидка (смеется). Помнишь, у нас в пирамидку играли, ну, как его бишь... да, Мавроди, действительно Мавроди, собрал у людей деньги, а потом смылся. Так и религия примерно такое же. Да, очень интересная беседа у нас с тобой вышла, вот уже и до Бога добрались...

Лежал я две недели в полной коме. Как кукла, не двигался. И все те две недели, что я в реанимации был, жена моя от меня ни на секунду не отходила, прямо с того света меня вытащила; если бы не она, не преданность ее и любовь, не было бы меня уже. Это, конечно, дар судьбы, что жена мне такая замечательная досталась... Из тех двух недель ничего не помню. Нет, видений не было, ни шахмат, ни света в конце туннеля, только однажды увидел себя совсем молодым на корабле, ловим мы рыбу, и сети такие мелкие-мелкие, и крабы в них застряли. И остров какой-то вдали, ранняя молодость моя...

Когда я очнулся, у меня имя мое спросили, фамилию, так я точно сказал, большинство же ничего не помнит. Потом вернулся домой, Новый год на носу, я у невропатолога спрашиваю, можно ли будет хоть шампанского выпить. А тот: ничего нельзя пить... Тогда я хирургу позвонил, тому, кто операцию делал, — и тот же вопрос задал, ведь Новый год же... Так хирург говорит: «Какое шампанское? Хряпни водки стакан и никакого шампанского...» (смеется).

Нет, на ветеранские турниры не езжу, там же надо тысячу долларов за турнир выложить, с дорогой, с гостиницей, со всеми делами, а откуда у меня такие деньги? Илюмжинов мне денег не дает, он же, как хан, властвует: кому хочет — дает, кому не хочет — не дает...

Ты мне лучше скажи, как у вас на Западе относятся к этому теперешнему менталитету:

брат, брат, брат, всё больше, больше, прямо патология какая-то... Сам-то ты как к этому относишься? Я вот, например, что имею, то и трачу, а что же еще с деньгами делать? Вот у нас в 98-м дефолт произошел, и, хотя жена у меня сразу всё почувствовала, когда они из роскошного помещения в центре в какие-то конюшни переехали, и загодя почти все деньги из банка забрала, потеряли мы несколько тысяч долларов из-за этого самого дефолта. Ты, старый хрыч, сказал мне тогда сын, раньше получал тридцать шесть процентов с денег, в банк положенных, зато теперь получил свой дефолт. А что такое дефолт? Ты же западный человек, ты мне можешь объяснить, что значит этот самый дефолт?

Сын у меня здоровый мужик, заходит к родителям часто, как полагается. Нет, в шахматы не играет, то есть играет, конечно, я ему фору ферзя даю, но задачи решает с удовольствием. Внуки, правнуки, всё чин по чину. Внук у меня один — большой бизнесмен. Фирму образовал. Сауны делают для богатых людей, в Финляндию часто ездят.

Вот говорят: высшее образование, высшее образование, а я как посмотрю вокруг, так на кой это высшее образование нужно? А шахматы в школах? Вот Карпов и Каспаров ратуют за то, чтобы повсеместно шахматный всеобщий ввести. Чтобы шахматы в школе обязательным предметом были. Идиотизм круглый. Представь себе: ни кочегаров не будет, ни машинистов на паровозе, ни продавцов — все будут в шахматы играть. Как раньше в школе с уроков физкультуры сбегали, так и с уроков шахмат сбегать будут. Нет, пусть в шахматы играет только тот, кому это действительно нравится.

Знаешь, сейчас, когда на пенсию вышел, я еще больше удовольствия от них получаю, чем когда по-настоящему играл. Тогда неуверенность какая-то была в жизни, волновался всё — стипендию снимут, не пошлют на какой-то турнир, все время суета какая-то была, волнения. Сейчас спокойно занимаюсь для себя, для собственного удовольствия. Да и играю тоже. Вот вчера, например, с поляком играл, с Марковским. У него рейтинг на 150 очков больше моего, и что? Не произвела его игра на меня большого впечатления; всю партию я легко позицию держал, но вот незадача какая случилась: время просрочил. Впервые в жизни! Эти электронные часы — слепые какие-то. На старых всё хорошо было видно: флажок поднимается — цейтнот, моментально пару ходов делаешь, а здесь...

Комсомольцем был в свое время, но членом партии — нет, никогда. У меня с детства невосприятие всего этого коллективизма. С детства. Хотя и отец мой, и мать были коллективисты и коммунисты. А я никогда особенно коммунистического правления не любил, хотя и диссидентом не был, разве что по пьяной лавочке херню порол — может, меня из-за того за границу и не выпускали, не знаю.

Нет, не думаю, что Россия когда-нибудь станет нормальной страной, никогда этого не будет, потому что народ у нас такой, подвластный у нас народ. Ведь последние шесть-семьдесят лет мы жили в тотальном рабстве. И нужен очень большой срок, чтобы его вывести. Вот он и заслуживает власти такой, наш народ, правительства такого. Я сейчас понял, что вся наша Государственная Дума сплошь купленная, и они протаскивают законы, которые выгодны корпорациям, а населению невыгодны. Кто от перестройки выиграл — это интеллигенция, а простой народ проиграл, и некому сейчас жаловаться... Подумал я как-то: в чем-то мы все, русские, ущербны. Вот говорят: у вас Толстой, у вас Лесков, у вас Чайковский, а что с того? И что я еще заметил — это колоссальное обезьянничество перед Западом. Там что заведется, у нас тут же всё и перенимают.

А Путин что? Никого в сортире не мочил, апокав Чечне наши люди, дети наши и внуки каждый день погибают. Вот сейчас выборы скоро. За кого я голосовать буду? А очень

просто: брошу монетку, как тогда перед партией решал, какой ход первым сделать. Так и сейчас: орел выпадет — за одних проголосую, решка — за других. Безразлично мне, Путин ведь все равно выигрывает.

Мне скоро восемьдесят лет, я скоро умирать буду, я всё сказать могу, что думаю...

Как мой день проходит? Встаю я ровно в восемь часов. Раньше холодный душ принимал, но потом врачи отсоветовали, сказали — может быть опасно для сердца, поэтому сейчас только водой до пояса обливаюсь. Потом завтракаю, селедочкой с картошечкой горячей, чай пью или кофе с молоком. Как без сахара? Что ты имеешь в виду? Ну, конечно, с сахаром, как же чай или кофе можно без сахара пить...

В девять часов иду в уборную с английским словарем и провожу там полчаса. Язык учу. Я его уже шестьдесят лет учу, совершенствуюсь. Дую что? Нет, но андерстенд — литл. Вся штука в том, что, когда англичане говорят, я их ни хера не понимаю, но важнее, что они меня понимают... Действительно? Есть туалетная бумага с уроками английского языка? Водают! У нас такой бумаги нет, но я вот недавно рекламу по телевизору видел: английский за две недели, и представляешь, есть идиоты, которые верят этому. Слова же забываются, если постоянной практики не имеешь, так что я на эту клюкву не клюну.

Потом сажусь за письменный стол и анализирую до двенадцати часов, и делаю это всегда с большим удовольствием. Компьютер? Какой компьютер, мне же скоро восемьдесят лет стукнет, какой может быть компьютер, на кой хрен он мне нужен, подумай, Генна, о чем ты говоришь? Я вот уже тридцать дней над одним вариантом гамбита Эванса бьюсь, хочешь, я тебе анализы пришлю? Интереснейшие! Единственная партия, этим вариантом сыгранная, Морфи — Андерсен 1858 года, и выиграл тогда Андерсен! И почему-то больше так никто не играл... Никто. Сижу себе, анализирую, потом всё записываю, еще раз проверяю и всё на машинке печатаю. А потом всё в стол складываю. Но нигде не публикую. И не хочу давать никуда свои анализы, поверь мне, у меня глубокие очень есть. Да и куда давать-то, теперь «Шахматную неделю» какую-то выпускают, так там шушера одна пишет, статьи длиннющие, а качество? Или вот пишут: как надо преподавать шахматы. Да кто пишет-то? Сам первого разряда не имеет, так начинает, понимаешь, учить, как надо шахматы преподавать. И смех, и грех. Как там говорится? Кто не умеет играть — учит, кто не умеет учить — учит, как надо учить. Нет, не хочу...

В двенадцать часов ровно я ем яблоки. Почему яблоки? Ну, так ведь известно, что яблоки для здоровья очень хороши. Потом снова смотрю что-нибудь на шахматах или читаю. Что читаю? Да чепуху всякую, детективы и всё такое. Вечером ужинаю и телевизор смотрю, вот и вся моя жизнь. Звонишь ли мне кто-нибудь из шахматистов? Да никто, никогда. Почему? Да потому что мне восемьдесят лет почти, потому что мой рейтинг 2440, потому что я говно и никому не нужен...

Вот Корчной меня вместе с Капабланкой в гении записал. А для меня чистый гений был Алехин, ведь в его партиях божья искра всегда присутствовала. Моя первая шахматная книжка, случайно мне в руки попавшая, была алехинская: «На путях к высшим шахматным достижениям». А из тех, кого я лично знал, Миша Таль был чистый гений, конечно, да и Лёня Штейн. Ах, Лёничка милый, он ведь ночами напролет в карты резался; бывало, часов в пять ночи стук в дверь в комнате моей гостиничной, я спрашиваю: «Кто это?», а это Лёня в карты свои закончил играть, спрашивает: «Не найдется ли пожрать чего?» — проголодался, значит...

А помнишь, как мы втроем в Риге, когда я с Мишей тренировочный матч играл, каждый

вечер вместе проводили, помнишь? И ужинали у Миши или в ресторан какой шли. Какой это год был, 68-й, кажется? Мне тогда сорок с лишним было, а ты так совсем мальчишкой был, помнишь?

Ах, Миша, Лёня. ■ ■ Пусть они и другой национальности, но близки были мне по духу и Таль и Штейн по восприятию жизни, любил обоих. Помню, в Тбилиси мы со Штейном и с одним грузином такое устроили, но... выключи, выключи сейчас магнитофон, что с того, что полвека с тех пор прошло, а что если жене моей этот рассказ на глаза попадет?.. Ах, Геночка, Геночка, милый, а помнишь, как мы в Риге с тобой две недели в гостинице в одном номере жили? Помнишь, как Лёня и Миша принесли тебя пьяного мертвецки, да, правда, и сами не шибко на ногах держались, и положили тебя на стол, и спал ты всю ночь на столе? Почему они тебя на стол положили, а не на кровать, до сих пор не пойму, но ты всю ночь на столе и проспал. Но ты вырежи это, вырежи, если писать будешь, а то люди о тебе бог знает что смогут подумать.

Геночка, да это же воспоминания молодости нашей, милый, молодости...

Когда приезжаю сюда, в «Россию», то за доской сижу с удовольствием, но усталый уже, все-таки полтора часа дорога отнимает. На метро с пересадкой — час с четвертью, да еще пятнадцать минут автобусом, да обратно столько же, да каждый день, вот и считай. Всё бы ничего, если бы не лестницы при выходе из метро, они же обледенели все и скользкие очень, шатает меня на них. Неровен час грохнешься, так костей не соберешь... Я бы с удовольствием сюда в гостиницу поселился на время турнира, черт с ними, с деньгами, но дома у меня же всё под боком. Что с того, что компьютера нет, зато «Информатор» есть. Да и жизнь налаженная, жена обо мне заботится. А ты спрашиваешь, доволен ли я жизнью. Да мне просто повезло: от взрыва котла тогда у Курильских островов не погиб, от тяжелой бронхиальной астмы, когда и говорить не мог, задышался месяцами, не умер, и всех передрыг в жизни — не перечить; но самое главное — жена мне чудесная досталась, и семья — сын, внук, теперь вот и правнучка есть — тоже замечательная...

Можно ли сказать, что шахматы дали мне всё в жизни? Да, конечно. Всё. Вот сейчас я на пенсии, да еще федерация подбрасывает, да жена что-то еще получает, так что жаловаться не приходится. Но только ли в деньгах дело, ведь у меня занятие есть, и люблю я его. А такое ведь не каждому дано. Другие, кто на пенсию выходит и без всякого дела остается, умирают быстро, потому что не знают, чем себя занять. А у меня — шахматы есть, они до сих пор меня спасают. А ты спрашиваешь, что мне дали шахматы. Но, знаешь, анализы анализами, а играть, играть по-прежнему очень хочется, ведь шахматы — это чудо, конечно. Чудо.

Морозным днем 30 января 2006 года ему стало плохо в автобусе, и от остановки до дома самостоятельно добраться не мог - помогли, довели до лифта. «Скорую» вызывать не стали, поехали с женой в поликлинику. Шел с трудом, нога уже не слушалась. Врач сразу всё понял, всполошился - немедленно в больницу! Там с каждым днем становилось хуже. Чувствовал, что умирает, сказал жене: «На этот раз мне уж не выкарабкаться...» Напомнил и о том, что хотел бы быть похоронен на Рязанщине, откуда родом жена, там и все близкие ее лежат — дед, родители, сестры. Кладбище - на пригорке, место это солнечное, сухое... 16 февраля впал в беспамятство и через два дня, в восемь часов вечера, не приходя в сознание, Ратмир Дмитриевич Холмов скончался.